

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДОМА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Н. С. ЛЕСКОВА «НА НОЖАХ»)

О. С. Березина

Марийский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.

Аннотация: на материале романа «На ножках» рассматривается обращение Н. С. Лескова к фольклорным традициям для установления смыслового объема концепта «дом» для воссоздания наиболее полной художественной картины мира писателя. Понимание дома у Н. С. Лескова согласуется с понятием дома в традиционной русской культуре, в которой был воспитан писатель, и обуславливает характерные черты авторского мировидения.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, «На ножках», фольклорные традиции, концепт «дом», дом-жилище, дом-духовное пространство, антидом, лже-дом.

Abstract: based on the novel «On the knives» consider the appeal of Nikolai Leskov to folk traditions for establishing the semantic scope of the concept of «home» to recreate the most complete artistic picture of the world of the writer. Understanding the house of N. S. Leskov is consistent with the concept of home in traditional Russian culture, which was raised by the writer, and causes the characteristic features of the author's worldview.

Keywords: N. S. Leskov, «On the knives», folk tradition, the concept of «home» home-house, home-spiritual space, anti-house, fake house.

Обращение Н.С. Лескова к фольклорным традициям отражается в особенностях художественной картины мира писателя, концепту «дом» в которой отведено значительное место. Как и у всех художников слова, понимание дома у Н. С. Лескова формировалось под воздействием исторической и современной реальности, культурного и литературного наследия. По воспоминаниям сына писателя, А. Н. Лескова [1], известно, что детство Николая Лескова прошло в народной среде, он часто ездил с бабушкой по проселкам и весям, а в памяти писателя на всю жизнь остались рассказы тетки Пелагеи о разбойниках, богатырях. По замечанию А. Н. Лескова: «Детство в непосредственной близости к народу остерегло от ошибок в изображении народных образов и жизни» [1]. Таким образом, сознание беллетриста развивалось в неразрывном единстве с фольклором. Для установления смыслового объема концепта «дом» в творчестве Н. С. Лескова на материале романа «На ножках» (1870–1871) рассмотрим, как писателем используются фольклорные традиции в воссоздании образа дома.

В литературоведении изучение дома как важнейшей ценности в жизни человека, обращение к дому как источнику внутренних сил, к возвращению к себе самому, к своим первоосновам является предметом изучения многих исследователей, а недостаточное внимание лесковедов к этой проблеме

позволяет говорить об актуальности и новизне данной темы.

Дом – это прежде всего строение, жилье. В этом ракурсе дом не раз становился объектом исследования в работах этнографического и культурологического направления (Д. К. Зеленин, А. К. Байбурин, А. С. Будилович, Ю. С. Степанов, А. В. Гура, Н. Н. Воронин и др.). Так, А.К. Байбури изучал дом как «многозначный символ в жизни людей, феномен культуры» [2] в концепциях и ритуалах восточных славян. Жилище – это освоенное пространство, выделенное из природы и вписанное в культуру. Внутренняя атмосфера дома – то, что создают его жильцы, семья, то, как они наполняют свой дом, – позволяет говорить о духовном пространстве, душе дома. Недаром дом у восточных славян сравнивался с матерью, которая кормит и охраняет дитя, а также с материнским чревом, с наседкой, защищающей цыплят. Постоянно подчеркивались такие признаки дома, как прочность, устойчивость и при этом одушевленность. Русские народные представления о доме зафиксированы В. И. Далем в «Толковом словаре живого великорусского языка» [3] — в многочисленных пословицах и загадках, относящихся к дому: «Мило тому, у кого много в дому», «Дом вести — не лапти плести», «Худу быть, кто не умеет домом жить», «Всего дороже честь сытая, да изба крытая», «На стороне добывай, а дому не покидай».

Дом осмысливается в русской народной культуре как средоточие основных жизненных ценностей,

таких как счастье, достаток, единство семьи и рода, включающее не только живых, но и мертвых. Словарь В. И. Даля отмечает также, что слово «дом» означает в русском языке не только «строение для жилья» или «избу со всеми ухажаями и хозяйством», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» [3]. Дом воплощает идею семьи и рода как длящегося во времени процесса и органической целостности. По замечанию В.Я. Проппа, дом является центром жизнедеятельности человека, в нем заключены представления человека о мироустройстве, о связи с другими людьми, с внешним миром [4].

В романе Н. С. Лескова «На ножах» материальным объектом, жилищем, местом проживания выступает несколько домов: Висленевых и Бодростинных, Подозерова и Синтяниной и другие. Так, дом Висленевых изначально представлен как большой, барский – «девять помещений, флигелек в пять комнат» [5, 114]. Издавна человек стремился создать и укрепить свой дом, наполнить уютom, создать внутри него собственные традиции. Таким крепким, уютным домом предстает в романе дом Гриневицей. Это пространство не столько физического, сколько душевного комфорта, атмосфера уважения, почитания. В этом случае дом – уютное место, где царит любовь (материнская, отцовская – дочерняя). Такое понимание дома у Н. Лескова согласуется с понятием дома в традиционной русской культуре, в которой был воспитан писатель, и обуславливает характерные черты авторского мировидения.

Особое внимание писатель уделяет изображению маленького домика Александры Синтяниной – «островку забвения» [5, 186]. Описание хутора Починок идет в русле фольклорных традиций: использование уменьшительных суффиксов («Каятка в две крошечные комнатки: столовая и спальня ее с девочкой... Ничего особенного: садик, прудок, мельница, осиновый лесок, ореховый кустарник, много скота, да небольшое поле островком, вот и все» [5] (курсив мой. – О. Б.)), необычных сравнений (хуторки «словно забытые копенки прошлогоднего сена» [5, 317], «сарай, сарайчики, амбары, амбарушки, хлевки и закутки, – все это с разных сторон обступило мельницу, поворотилось к ней лицом, смотрит на ее вращающееся колесо, как безграмотные односельчане глядят на старушку, сотый раз повторяющую им по складам старую, тихоструйную повесть» [5, 318]). Необходимо отметить, что природа служит фоном для данного дома. Опоэтизированный хутор Починок – любимое место некоторых героев романа – часто выступает сценой разворачиваемых событий.

Завязка сюжета многих фольклорных произведений, как правило, построена на мотиве запрета покидать дом. Герой сказки нарушает запрет, вследствие чего с ним случается беда: «Древнейшим религиозным субстратом этого мотива является страх

перед невидимыми силами, окружающими человека» [6, 38]. Брат и сестра Висленевы покидают родной дом, то есть отрекаются от него, с тех пор их жизнь катится под откос. Иосаф проигрывает в рулетку деньги за заложенный дом, Лара проматывает за границей все финансовые средства, найденные Андреем Подозеровым и предназначенные для выкупа дома. Писатель показывает, как с потерей дома в судьбах Лары и Иосафа Висленевых происходит нивелирование духовных ценностей, нравственного идеала, чувства собственного достоинства. Все последующие попытки обрести дом безуспешны, эти жилища – лже-дома. Ощущение лже-дома присутствует и при упоминании кабинета Глафиры Бодростиной, подробного описания которого не приводится, но емкое сравнение его с «хрустальной клеткой, громоздившейся на крутой горе и под сильным ветром» [5, 213], усиливает впечатление, а само описание идет в русле сказки. То же враждебное пространство окружает в бодростинском доме Лару: «Ей казалось, что она где-то в плену, в злом плену. Собственный дом ей представлялся давно покинутым раем, в который уже нельзя вернуться» [5, 385]. Чувство несвободы в доме Бодростинных ощущает Ропшин: зависимость его другого рода – любовное томление, но повествователь характеризует дом как страшный и неприветливый, впечатление усиливается метафорическим упоминанием «силков»: «Очутившись в этом старом, богатом и барском доме, Ропшин немедленно впал в силки, которые стояли здесь по всем углам и закоулкам ... этого неприветливого и страшного дома» [5, 349]. Столь же жутким местом видится дом генерала Синтянина, напоминающего легенду о Синей Бороде. Жилище генерала обросло мифами, дом его был всегда «заперт для всех» [5, 107]: «Как ни замкнут был для всех дом Синтянина, но все-таки из него дошли слухи, что генерал, узнав, по чьему-то доносу, что у одного из писарей его канцелярии, мараковавшего живописью, есть поясной портрет Флоры, сделанный с большим сходством и искусством, потребовал этот портрет к себе, долго на него смотрел, а потом тихо и спокойно выколол на нем письменными ножницами глаза и поставил его на камине в комнате своей жены» [5, 107].

Определение «лже-дом» вписывается всемирно-культурную концепцию Ю. М. Лотмана, рассматривающего образ дома в бинарной модели – как противостоящего анtidому, и отмечающего при этом универсальность такого противопоставления в мифопоэтическом и фольклорном дискурсах. Так, Ю. М. Лотман пишет: «Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление «дома» (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) «анtidому», «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смер-

ти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [6, 264–265].

В мифопоэтических представлениях древних славян дому отводилось чрезвычайно важное место. По мнению В. Шукина, дом осмыслялся как «мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим» [7]. Жилище было по преимуществу носителем признака «внутренний»: оно оберегало человека от невзгод внешнего мира, создавало атмосферу безопасности, определенности, организованности, противостоящей хаосу, окружающему извне. Дом противопоставлен внешнему разрушительному воздействию. В связи с этим примечательно совмещение двух видов описаний при изображении в романе Н. Лескова дома Андрея Подозерова. Подробного описания убранства комнаты нет, лишь отдельные детали – два окна, густые суконные занавески. Зримая картина комнаты в полумраке создается посредством антитезы уюта дома и разгулявшейся за окном стихии: шум непогоды доходит «смягченным через двойные рамы», навевая «нечто успокоительное» [8, 32]. По народным поверьям, нечисть очень любит непогоду, она беснуется. Нечистью в романе являются все нигилисты, в угоду себе применяющие учение, которое отрицает вечные ценности: дом, семью, брак [9]. Известна характерная для Н. Лескова особенность вкладывать в наименование, в заглавие глубокий смысл [1], А. Лесковым не раз отмечается, что отец даже гордился своим умением давать яркие, необычные заголовки произведениям. Так, пятая глава романа «На ножах» называется «Темные силы» – сознательное использование сказочного образа в наименовании становится органичной составляющей художественного мира писателя.

Змеем-искусителем (достаточно часто встречающийся фольклорный мотив) в романе предстает Павел Горданов. Он умыкает из дома прекрасную невесту Лару, соблазняет ее, а потом бросает. Героем выступает Андрей Подозеров, спасающий Лару. Как в русской народной сказке, герои у Н. С. Лескова четко делятся на положительных и отрицательных. В этом ракурсе дом является еще и средством раскрытия характера героя, то есть по его отношению к дому можно судить о душевных качествах персонажа.

Конец романа тоже представлен в духе русской народной сказки, когда провозглашается торжество

добра над темными силами: виновные наказаны, главные герои – Александра Синтянина и Андрей Подозеров – обрели свое счастье, свой уютный семейный дом.

Таким образом, у Н. Лескова значимость дома определяется тем, что состояние и отношение к нему существенно обуславливает направление индивидуального и общественного развития. Дом в романе «На ножах» – и место разворачиваемых событий, и способ характеристики персонажа, и духовное пространство. Обращение Н. С. Лескова к фольклорным традициям в романе «На ножах» прослеживается на сюжетно-образном и языковом художественных уровнях, а пристальное их рассмотрение помогает воссоздать в творчестве писателя концепцию дома, отражающую картину мира Николая Лескова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова / А. Н. Лесков. – Режим доступа: <https://www.litmir.co/br/?b=101968&r> (дата обращения 17.01.2015).
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – Режим доступа: // slovardalja.net/ (дата обращения 17.01.2015).
4. Пропп В. Исторические корни волшебной сказки / В. Пропп. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Propp_2/index.php (дата обращения 17.01.2015).
5. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. / сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого. – М.: Правда, 1989. – Т. 8. – 416 с.
6. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
7. Шукин В. Г. Дом и кров в славянофильской концепции. Культурологические заметки / В. Г. Шукин // Вопросы философии. 1990. – С. 135–146.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 12 т. / сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого. – М.: Правда, 1989. – Т. 9. – 480 с.
9. Березина О. С. Антинигилистические выступления Н. С. Лескова (взгляд на дом и семью на материале публицистики и эпистоляристики 1860–1870-х гг.) / О. С. Березина // Гуманитарные науки в современном мире: сборник научных трудов по итогам науч.-практ. конф. / Инновационный центр развития образования и науки. – Уфа, 2014. – С. 5–7.

Марийский государственный университет

Березина О. С., соискатель кафедры филологии и журналистики

E-mail: o-beryuza@mail.ru

Mari State University

Berezina O. S., Post-graduate Student of the Philology and Journalism Department

E-mail: o-beryuza@mail.ru